

Владимир Шляндин

Из книги «По жизненным тропам»

Потехино

Как-то со старшим братом Николаем, гуляя по улицам города и берегу нашей красавицы Зеи, вспоминали о далёкой юности. Каждый валун-камень, встретивший нас, рассказывал о далёком прошлом. Воспоминаний было много, тем более Николай не часто приезжает в Зею, возраст берёт своё. И я его спросил: «Как мы оказались здесь, ведь наши корни в Рязани?».

Он долго уходил от ответа, но когда присели на камень, который игриво облизывала холодная зейская вода, начал свой рассказ.

- Это, наверное, теперь уж навсегда останется тайной. Боязнь и малограмотность родителей не позволяла им говорить правду, тем более в те года, но я помню далёкий 1939 год, когда мы прибыли в Зею. Мне было пять лет. Моё первое впечатление о ней осталось глубоко в памяти. Когда я выглянул из машины кузова, накрытого брезентом, меня поразили своей необычной красотой горы. Они были совсем близко. И в моём детском воображении хотелось непременно побежать к ним. Там, на рязанщине, такое не увидишь.

Из Тыгды нас привезли на перевалбазу, которая располагалась на Фаланге. Расположившись в одном из бараков, мы ожидали очередь на дальнейший переезд. И когда собралось несколько семей, а это были: Доронины, Ермаковы, Карпушкины и другие, нас повезли на полуторках по льду реки в Потехино. На берегу протоки реки Зея в доме под номером один нас разместили. В одной половине остался дед со своей семьёй, а в другой - мы.

Почему поселились именно в этом доме, не знаю, может, единственная на всё село русская печь привлекла внимания деда. Дом стоял на окраине. Вокруг лес, голубичник и багульник. Самим приходилось добывать дрова, издалека на коромыслах с протоки носить воду. В колхоз «Имени 18 партийного съезда» работать отец с дедом не пошли. Они были мастеровитыми людьми и устроились в сельпо строить мосты, дома, класть печи, потому как работы было много.

У деда, Шляндина Михаила Ивановича, кроме отца были еще дети. Дочери Клава и Варвара вышли замуж и остались в Рязани, а позже переехали в Москву. Дочери Анна, Мария и младший сын Михаил, наши тетушки и дядя, с дедом и бабушкой и наша семья: отец Иван Михайлович, мама Елена Ивановна, мой брат Виктор, сестра Галинка и я прибыли в Потехино из Рязанской области деревни Никоново. Мой дядька Михаил в возрасте пятнадцати лет в дороге заболел воспалением лёгких и умер весной в Потехино.

Бабушку Александру помню больше у русской печки. Как она ловко ухватом с чугунками работала, а рано утром на протоку ходила с ведрами за

водой. И всё пыталась золото намывать. На песчаном берегу протоки слюдяную породу песчинками волнами набивало, и оно так заманчиво блестело – золото, да и только.

Бабушка молилась: «Господи, чудо-то какое, наконец-то смилостивился над нами. И что же раньше не послал сюда!» - и тайком собирала слюду. Это уже потом, когда набрала крынку, ей кто-то из местных объяснил, что это не золото. Оскорбилась и снова стала гневаться на Бога.

Тётя Аня активисткой была, в клуб бегала. Уж больно хорош был сельский клуб в Потехино. На бугорке среди сосен стоял красивый дом с большим залом, библиотекой, верандой. В клубе проходили общие колхозные собрания, а после кино показывали. Анна высокой и красивой была, в берете ходила. Вот её и заметил молодой офицер Плющев Георгий, который в спецкомендатуре служил. Он был инвалидом - потерял кисть правой руки при участии в боях на Хасане. До конца войны он жил с Анной, дедом и бабушкой.

Георгий ходил в форме - высокий, подтянутый. Для нас был большим авторитетом. В то время он подарил мне учебники: грамматику русского языка и историю СССР - красивую книжку в синем переплёте. Потом по службе его перевели в город Свободный. Забрав Анну, бабушку и двух детей, он уехали из Потехино. К тому времени дед Михаил умер. Он получил серьёзную травму при строительстве дома. Там укладывали потолочные балки, и одна из них упала ему на голову.

Жизнь тёти Маня оборвалась трагически. Она очень сильно увлекалась рыбалкой, но вскоре после смерти деда Михаила утонула в Зее.

Мы с Виктором и соседскими ребятами Борькой и Петькой Артамошкиными убегали на протоку, ловили пескарей, жгли костры, летом купались и занимались огородами. Сестра Галина была в основном подле матери. Так как перед войной у нас появился братик Геннадий, то она была за няньку.

В сорок первом году весна и лето были очень тёплыми. Ночью шли дожди, а днем палило солнце. Всё росло, как на опаре. Бабушка даже говорила, что здесь растёт лучше, чем в Рассеи.

И вдруг - война. Мужиков стали забирать на фронт. Женщины как-то сразу постарели, повязав чёрные платки на головы. Мальчишки драться перестали. Вскоре забрали и отца. А у матери на руках полугодовалый ребёнок – Геннадий. Началась другая, тяжёлая жизнь.

Витька бегал в школу. Она была новая, двухэтажная, с большими окнами, стояла за клубом и довольно-таки далеко от нас. Зимой я с большим нетерпением ждал брата. Вместе с ним делали уроки, и я быстро научился читать и даже писать печатными буквами. Брат был не усидчив, всё что-то мастерил или строил, а к учёбе относился с прохладцей, уж очень трудно ему давалось чистописание.

Через год пошёл в школу и я. Букварь к тому времени прочитал весь. Первый класс закончил с похвальной грамотой. Время было очень трудным, надо было как-то кормиться. Мать работала сторожем, ей дали ружьё, но

она очень боялась его. На наши плечи легла тяжелая работа - заготовка дров. Благо лес был рядом. Бывало, наберём сухостоя на санки и тащим домой. И так каждый день.

Весной копали огороды. Мать давала нам задания, отмеряла участок, и мы должны были его вскопать. Летом пололи и огребали картошку, которую садили очень много. Ведь это был единственный доступный продукт, да ещё рыба, которую мы ловили. От отца изредка приходили вести - фронтовые «треугольнички». Мы собирались вокруг матери, и она по нескольку раз читала эти письма. Потом почтальон перестал носить их нам. И вдруг - письмо, в котором отец писал, что контужен, лежит в госпитале. Какое это было счастье для нас, что наш отец жив!

И вдруг весной сорок третьего года мы увидели солдата. С котомкой он сидел на бабушкином крыльце, понунив голову. Мы узнали в нём отца. Мать и мы подбежали к нему. Сколько было радости! Глаза были полны слёз от счастья. «Папка, папка вернулся!» – кричали мы, но он молчал. Уже после узнали, что отец больше никогда не услышит наши голоса. Он был глухим, слабым и очень больным. Вскоре совсем слёг, опух и стал очень злым.

Мать меняла вещи на крупу и молоко, но в душе мы понимали, да и поговаривали все, что ему уже не выкарабкаться. Отец подпускал к себе только меня. Он болел всё лето, и с каждым днём ему было всё хуже и хуже. И тут матери посоветовали какого-то фельдшера, который проживал за пределами Потехино. Мать нашла его, и за бутылку водки он пришёл к отцу. Осмотрел его, дал какие-то таблетки, затем напоил хиной. Выпил водку и ушёл. И, как ни странно, у отца стала сходить опухоль.

Мать делала всё, что рекомендовал фельдшер, и отец пошёл на поправку. Уже к сентябрю он встал на ноги и сшил нам сапоги из привезенной рваной палатки. Нам, конечно, досталось тогда крепко, что разбросали его инструмент, но всё-таки мы были обуты в новые сапоги. Правда, голенища были из брезента, но передок сапог был из кожи. Так потихоньку он стал шить сапоги, чтобы хоть как-нибудь прокормиться.

Трудное было тогда время. Взрослые работали от зари до зари, и нам, детям, доставалось тоже. Но не было ничего хуже, когда почтальон приносил «похоронки», и тогда рёв и плач разливались на всё село. Бедные женщины - сколько слёз выплакали и какой непосильный труд смогли вынести.

И вот сейчас, вспоминая те годы, прекрасно понимаю, как тяжело досталась и нашей маме, какие тяготы и страдания выпали на её долю. Ведь ничего доброго и хорошего она не видела. Смотрю на мамину фотографию, где ей сорок лет. Всего сорок, а лицо всё изрезано морщинами! В платочке – старушка да и только. Это в сорок-то лет?! А было у неё одно счастье - это мы, дети. Спасибо ей огромное, что дала нам жизнь, вырастила, выучила. Вечная тебе память, дорогая наша мамочка!

Потехино было прекрасное село. Там осталось моё детство. Хоть и трудное, но моё. Может, волшебная красота гор и тайги так завладели мной,

что я стал геологом, может, доброта людей и их порядочность сделали меня таким. Детство останется самым теплым моим воспоминанием.

Вот вспомнился такой случай. Осенью, перед войной, мать с отцом, взяв тележку, пошли в лес за дровами. Пришли поздно, на тележке - огромная деревянная болванка.

- Что это? – спросил я.

Мать с восторгом ответила:

- Это отец будет делать памятник вождю.

Весь вечер мы мечтали, куда его поставим. И даже отвели место во дворе, так, чтобы его было видно с улицы. Отец, вернувшись с работы, вечерами азартно рубил топором эту болванку, и вскоре стал появляться образ человека в фуражке. Но потом всю зиму эта статуя простояла в сарае. Зимой у отца не было времени, весной начались работы в огороде, а потом – война, и отца забрали на фронт.

Долго стояла эта заготовка в сарае, а потом всё-таки порубили ее на дрова. Как говорила мать: «Дрова, как в прорву, уходили». А добывать их нам с Виктором приходилось и зимой, и летом. В 1946 году мы переехали в Зею и обосновались на Фаланге. Но перед этим в августе 1944 года у нас появилась сестрѐнка Люба. А спустя несколько лет мама родила тебя.

... Мы тихо сидели с Николаем, думая каждый о своём, а Зея тихо несла свои воды.

За одним столом.

Это было в далёком 1964 году. К нам в Зею приехал известный писатель Г.А. Федосеев. Стоял июль. Пора сенокосная, а тут гроза разыгралась, потом и вовсе всё небо затянуло. И дождь мелкий и нудный дня три шѐл. Мужики нервничали: сколько труда вложено, и всё может пойти коту под хвост. Мне в ту пору шѐл уже семнадцатый год, и, когда одни девчонки в голове, сенокосные проблемы особо не тревожат.

Утром, которое на этот раз выдалось солнечным, меня разбудил голос матери:

- Сынок, вставай, в школу вызывают.

- Какая ещё школа в середине лета?

Но делать нечего, раз вызывают, нужно идти. Спускаюсь с чердака, на котором сплю летом, и отправляюсь в школу. Благо, наша Пушкинская школа находится недалеко от дома. В вестибюле встречаю преподавателя немецкого языка, известного в городе краеведа Яниса Антоновича. Он радостно хлопает меня по плечу рукой и направляет в учительскую. Там застаю нашего учителя по рисованию Георгия Конзу, который сидит за столом с каким-то незнакомым мужчиной в клетчатой рубашке, близким ему по возрасту. У него очень добрые глаза, высокий лоб с залысинами, волосы, зачёсанные назад, широкий подбородок с ямочкой. Он вежливо показал рукой на рядом стоящий с ним стул. Я робко сел.

- Григорий Анисимович Федосеев, - говорит он сипловатым голосом и протягивает мне руку.

- Володя Шляндин, - отвечаю я, перекошённым ртом от удивления. И своим глазам не верю, что сижу рядом с таким удивительным писателем.

- Ну что, Володя, мне нужна твоя помощь. Ты комсомолец?

- Да, - всё также робко отвечаю я.

- Вот и хорошо. Мне нужны три-четыре таких хлопца, вроде тебя, а для чего, поясню. Ты, наверное, в курсе, что умер мой друг эвенк - проводник Улукиткан? Вот и нужна помощь ребят, чтобы съездить в Бомнак и перенести его могилу на незатопляемую возвышенность и поставить памятник.

- Понял, - ответил я.

В то время в Зее начиналось строительство Зейской ГЭС, и все знали, что многие поселения уйдут под воду. И это решение писателя было очень правильным. Оно позволяло сохранить людям память о замечательном человеке - Улукиткане.

Кто тогда не зачитывался книгами Федосеева! «Злой дух Ямбуя», «В тисках Джугдыра», «Смерть меня подождёт». И я, конечно, понимал, как дорог этому человеку простой эвенк, который для него был мудрым учителем и верным другом. Я оббежал всех своих друзей. Пожелавших исполнить просьбу писателя набралось много, а вот мне не удалось поучаствовать в этой экспедиции – я тогда был очень нужен отцу, инвалиду войны, на покосе.

До сих пор сожалею о том, что не смог поехать в Бомнак, и о том, что память не сохранила подробностей той встречи, которая длилась весь день. Но горжусь, что у меня была такая возможность общаться с Григорием Анисимовичем и слушать его. В тот же день, около полудня, в одном из классов собралось много ребят, которые с открытыми ртами слушали писателя. Рассказывал он нам о своих путешествиях, книжных героях. И мне повезло снова - я оказался вместе с ним за одним столом в президиуме. Вечером Григорий Анисимович выступал в Доме культуры перед жителями города. Я не удержался от такого знаменательного городского события и снова пошёл на встречу.

Проба пера.

Многие из нас в юности хотели стать поэтами, писателями или художниками. В свои шестнадцать лет я исключением не был и писал стихи. Тогда они мне казались очень хорошими. И мнил я себя едва ли не Есениным, исписав целую общую тетрадь. Своими успехами гордился, хотя рассказывать о них стеснялся.

В друзьях у меня тогда был Стас Парфенюк, который учился в параллельном классе и тоже увлекался поэзией. В школе он слыл поэтом, так в одном из номеров районной газеты «Коммунистический труд» однажды

напечатали его стихотворение. Стас гордился этим и в редакцию бегал, как к себе домой.

В то время в газете работал Вениамин Колыхалов, молодой симпатичный парень, под два метра ростом, чем-то похожий на поэта Владимира Маяковского. Ходил он крупными шагами, что ни шаг, то сажень, и поэтому, когда доводилось идти с Вениамином рядом, то приходилось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Ходил ровно, не горбясь. Весной, осенью и зимой носил демисезонное коричневое пальто, сшитое по фасону реглан, потому в плечах казался широченным, хотя... Но ножища у него была, будь здоров, обувь носил сорок четвёртого размера.

Конечно, мы с ним вскоре познакомились. Он узнал, что я неплохо рисую. И однажды предложил:

- Бери свои вирши, рисунки и приходи ко мне.

Так я и сделал. В избёнке, где он проживал (это по улице Ленина шестой дом от угла Шевченко в сторону клуба «Ровесник»), было поразительно скромно. В простенке стоял обыкновенный деревянный стол. На нём - куча книг, журналов, рядом - пишущая машинка «Москва». Над столом крупными буквами написано изречение Максима Горького: «Счастлив тот, кому дано улавливать музыку строк». Смысл написанного я тогда не понял, да и не интересовало меня это, а вот обстановка горницы привлекла внимание: печь посередине избы, кухонька отгорожена дощатой перегородкой, выкрашенной в едкий синий цвет, аккуратно заправленная кровать да укрытая занавеской вешалка.

- Смотрю, удивлён моим холостяцким бытом, - заметил Вениамин. - А мне здесь нравится. Главное - тишина и спокойствие.

- Скучно зато, а так хорошо, - ответил я.

Вениамин Анисимович похлопал меня по плечу и вдруг так задушевно сказал:

- А я очень рад пожить в таких домашних условиях.

Я тогда не знал, что Вениамин Колыхалов в очень раннем возрасте остался сиротой, и его жизнь и воспитание проходили в детском доме. А знал другое, что он - замечательный корреспондент нашей районной газеты и к тому же талантливейший поэт. Для меня общение с таким человеком, а тем более дружба с ним, были пределами мечтаний.

- Ну, показывай свои стихи.

Я полез за пазуху своей вельветовой куртки.

- Далеко прячешь, - улыбнулся Вениамин. - Пока я буду знакомиться со стихами, почитай вот этот очерк о гидростроителях и подумай, какие тут можно сделать рисунки к тексту.

Я сел на шатающийся табурет и углубился в написанное, а он стал перелистывать мою тетрадь. Я читаю медленно - залпом написанное не одолеть. Поражаюсь его точности изложения и тому, что каждое слово имеет глубокий смысл. Я уже тогда знал, что он учится в Московском Горьковском литературном институте. Прочитав, взглянул на автора. Он сидел напротив меня, сложив руки на груди.

- Что скажешь?

- Здорово! - ответил я.

- А твои предложения по иллюстрации?

- Даже не знаю, - пожал я плечами. - Здесь нужен хороший художник, я вряд ли осилю.

- А ты попробуй. Мне кажется, получится. – Он взял один из моих рисунков. - Вот, посмотри на эту свою работу. Улицу, людей довольно удачно схватил, тут жизнь и простор мыслей.

- Ладно, попробую, - после некоторого колебания согласился я.

- Вот это уже хорошо. А что касается твоих стихов, то, если честно, слабоваты они. Из всех, что в тетради, можно отметить только два стихотворения. Но над ними нужно ещё поработать, и можно в печать. А главное - читай побольше хороших поэтов, особенно классиков, чтобы на слух определять автора. Рифма должна быть оригинальной, а не кочевать из одного произведения в другое. И ещё запомни - в каждом стихотворении должна быть своя изюминка.

Со всем сказанным я согласился. Через некоторое время мы встретились вновь. Он внимательно просмотрел рисунки к его очерку, оживился и, к моему удивлению, сказал:

- А ты говорил, не получится. Да мы с тобой в журнале «Дальний Восток» «засветимся».

А я, то ли от радости, то ли от удивления, показал ему два своих рассказика «На покосе» и «Обвал». Он справедливо их покритиковал и дал совет заняться прозой. А два отмеченных им стихотворения, над которыми ещё пришлось поработать, вскоре появились на страницах районной газеты.

Вот с той поры и продолжается моя дружба с пером. А с Вениамином Анисимовичем Колыхаловым переписываемся до сих пор. Он - известный писатель, издал более тридцати книг, в настоящее время живёт в Томске.